

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ

ЛЕГЕНДЫ О ХРИСТЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 281.9
ББК 86.36
Л14

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с шведского *Н. Смоленского*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

В оформлении обложки использована картина
Гвидо Рени «Поклонение пастухов», 1642 г.

Лагерлёф, Сельма.

Л14 Легенды о Христе / Сельма Лагерлёф; [перевод с шведского Н. Смоленского]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-155256-5

Добрая и пронзительная книга сказок и легенд Сельмы Лагерлёф — образец литературной обработки услышанных автором в детстве от бабушки устных преданий «народного христианства», преломляющего в очаровательно наивной традиции и сюжеты библейского Нового Завета, и жития святых, и веками хранившиеся в народной памяти апокрифы.

Рождество и бегство в Египет Святого семейства, детство Христа и его взрослые годы, Крестный путь и казнь на Голгофе, Воскресение и последовавшие за ним события — вот лишь часть того, что средневековые горожане и крестьяне Скандинавии (чей безыскусный стиль Сельма Лагерлёф стилизует весьма тонко) столетиями осмысливали и расцветчивали красками фантазии.

УДК 281.9
ББК 86.36

ISBN 978-5-17-155256-5

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Христиане по имени, мы язычники по своим мыслям, чувствам и поступкам.

Эгоизм — вот основа человеческих побуждений. Но душа человека по природе христианка, она тоскует, задыхается в атмосфере эгоизма, она инстинктивно стремится к христианским идеалам, ищет Христа и жизни по Его заветам.

Напрасно люди стали бы искать в современной художественной литературе удовлетворения христианским запросам души. Произведений художественной литературы, в которых отражались бы христианские идеалы, теперь почти нет. Рассказы Сельмы Лагерлёф — одна из немногих в современной художественной литературе книг, проникнутых христианскими идеалами. Ее рассказы — не исторические повествования, это — благочестивые сказания, навеянные христианскими преданиями и на-

строениями. И всякий, в чьей душе не погасла искра Божия, найдет в книжке Лагерлёф отзвуки высоких христианских порывов и христианских настроений, найдет отдых и успокоение от мелких эгоистических интересов обыденщины.

Святая ночь

Когда мне было пять лет, меня постигло большое горе. Я не знаю, испытывала ли я впоследствии горе бóльшее, чем тогда.

У меня умерла бабушка. До того времени она каждый день сидела на угловом диване в своей комнате и рассказывала чудные вещи.

Я не помню бабушку иной, как сидящей на своем диване и рассказывающей с утра до ночи нам, детям, притаившимся и смирно сидящим возле нее; мы боялись проронить хоть слово из рассказов бабушки. Это была очаровательная жизнь! Не было детей более счастливых, чем мы.

Я смутно помню образ бабушки. Помню, что у нее были прекрасные, белые, как мел, волосы, что она была очень сторбленная и постоянно вязала свой чулок.

Еще помню, что, когда бабушка кончала рассказ, она клала свою руку мне на голову и говорила:

— И все это такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты меня.

Помню, что бабушка умела петь красивые песни; но пела их она не каждый день. В одной из этих песен говорилось о каком-то рыцаре и морской деве, к этой песне был припев:

«Как холодно веет ветер, как холодно веет ветер по широкому морю».

Вспоминаю я маленькую молитву, которой научила меня бабушка, и стихи псалма.

О всех рассказах бабушки сохранилось у меня лишь слабое, неясное воспоминание. Только один из них помню я так хорошо, что могу рассказать. Это — маленький рассказ о Рождестве Христовом.

Вот почти все, что у меня сохранилось в памяти о бабушке; но лучше всего я помню горе, охватившее меня, когда она умерла.

Я помню то утро, когда угловой диван остался пустым, и было невозможно себе представить, как провести длинный день. Это помню я хорошо и никогда не забуду.

Нас, детей, привели, чтобы проститься с умершей. Нам было страшно поцеловать мертвую руку; но кто-то сказал нам, что последний раз мы можем поблагодарить бабушку за все радости, которые она нам доставляла.

Помню, как ушли сказания и песни из нашего дома, заколоченные в длинный черный гроб, и никогда не вернулись.

Помню, как что-то исчезло из жизни. Будто закрылась дверь в прекрасный волшебный мир, доступ в который нам был до того совершенно свободен. С тех пор не стало никого, кто смог бы снова открыть эту дверь.

Помню, что пришлось нам, детям, учиться играть в куклы и другие игрушки, как играют все дети, и постепенно мы научились и привыкли к ним. Могло показаться, что заменили нам новые забавы бабушку, что забыли мы ее.

Но и сегодня, через сорок лет, в то время, как разбираю я сказания о Христе, собранные и слышанные мною в далекой чужой стране, в моей памяти живо встает маленький рассказ о Рождестве Христовом, слышанный мной от бабушки. И мне приятно еще раз его рассказать и поместить в своем сборнике.

* * *

Это было в Рождественский сочельник. Все уехали в церковь, кроме бабушки и меня. Я думаю, что мы вдвоем были одни во всем доме; только мы с бабушкой не могли поехать со всеми, потому что она была слишком стара,

а я слишком мала. Обе мы были огорчены, что не услышим Рождественских песнопений и не увидим священных огней.

Когда уселись мы, одинокие, на бабушкином диване, бабушка начала рассказывать:

«Однажды глубокой ночью человек пошел искать огня. Он ходил от одного дома к другому и стучался:

— Добрые люди, помогите мне! — говорил он. — Дайте мне горячих углей, чтобы развести огонь: мне нужно согреть только что родившегося Младенца и Его Мать.

Ночь была глубокая, все люди спали, и никто ему не отвечал.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец увидел он вдали огонек. Он направился к нему и увидел, что это — костер. Множество белых овец лежало вокруг костра; овцы спали, их сторожил старый пастух.

Человек, искавший огня, подошел к стаду; три огромные собаки, лежавшие у ног пастуха, вскочили, заслышав чужие шаги; они раскрыли свои широкие пасти, как будто хотели залаять, но звук лая не нарушил ночной тишины. Человек увидел, как шерсть поднялась на спинах собак, как засверкали в темноте острые зубы ослепительной белизны, и собаки бросились на него. Одна из них схватила его за ногу, дру-

гая — за руку, третья — вцепилась ему в горло; но зубы и челюсти не слушались собак, они не смогли укусить незнакомца и не причинили ему ни малейшего вреда.

Человек хотел подойти к костру, чтобы взять огня. Но овцы лежали так близко одна к другой, что спины их соприкасались, и он не мог дальше идти вперед. Тогда человек взобрался на спины животных и пошел по ним к огню. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась».

До сих пор я, не перебивая, слушала рассказ бабушки, но тут я не могла удержаться, чтобы не спросить:

— Почему не пошевелились овцы? — спросила я бабушку.

— Это ты узнаешь, немного погодя, — ответила бабушка и продолжала рассказ:

«Когда человек подошел к огню, заметил его пастух. Это был старый, угрюмый человек, который был жесток и суров ко всем людям. Завидев чужого человека, он схватил длинную, остроконечную палку, которой гонял свое стадо, и с силой бросил ее в незнакомца. Палка полетела прямо на человека, но, не коснувшись его, повернула в сторону, и упала где-то далеко в поле».

В этом месте я снова перебила бабушку:

— Бабушка, почему палка не ударила человека? — спросила я; но бабушка мне ничего не ответила и продолжала свой рассказ:

«Человек подошел к пастуху и сказал ему:

— Добрый друг! Помоги мне, дай мне немного огня.

Только что родился Младенец; мне надо развести огонь, чтобы согреть Малютку и Его Мать.

Пастух охотнее всего отказал бы незнакомцу. Но когда он вспомнил, что собаки не смогли укусить этого человека, что овцы не разбежались перед ним и палка не попала в него, как будто не захотела ему повредить, пастуху стало жутко и он не осмелился отказать незнакомцу в его просьбе.

— Возьми, сколько тебе надо, — сказал он человеку.

Но огонь уже почти потух. Сучья и ветки давно сгорели, оставались лишь кроваво-красные уголья, и человек с заботой и недоумением думал о том, в чем донести ему горячие уголья.

Заметя затруднение незнакомца, пастух еще раз повторил ему:

— Возьми, сколько тебе надо!

Он со злорадством думал, что человек не сможет взять огня. Но незнакомец нагнулся, голыми руками достал из пепла горячих углей и положил их в край своего плаща. И уголья не

только не обожгли ему руки, когда он их доставал, но не прожгли и плаща, и незнакомец пошел спокойно назад, как будто нес в своем плаще не горячие уголья, а орехи или яблоки».

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:

— Бабушка! Почему не обожгли уголья человека и не прожгли ему плащ?

— Ты скоро это узнаешь, — ответила бабушка и стала рассказывать дальше:

«Старый, угрюмый, злой пастух был поражен всем, что пришлось ему увидеть».

— Что это за ночь, — спрашивал он сам себя, — в которую собаки не кусаются, овцы не пугаются, палка не ударяет и огонь не жжет?

Он окликнул незнакомца и спросил его:

— Что сегодня за чудесная ночь? И почему животные и предметы оказывают тебе милосердие?

— Я не могу тебе этого сказать, если ты сам не увидишь, — ответил незнакомец и пошел своей дорогой, торопясь развести огонь, чтобы согреть Мать и Младенца.

Но пастух не хотел терять его из вида, пока не узнает, что все это значит. Он встал и пошел за незнакомцем, и дошел до его жилища.

Тут увидел пастух, что человек этот жил не в доме и даже не в хижине, а в пещере под

скалой; стены пещеры были голы, из камня, и от них шел сильный холод. Тут лежали Мать и Дитя.

Хотя пастух был черствым, суровым человеком, но ему стало жаль невинного младенца, который мог замерзнуть в каменистой пещере, и старик решил помочь Ему. Он снял с плеч мешок, развязал его, вынул мягкую, теплую пушистую овечью шкурку и передал ее незнакомцу, чтобы завернуть в нее Младенца.

Но в тот же миг, когда показал пастух, что и он может быть милосердным, открылись у него глаза и уши, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, что раньше не мог слышать.

Он увидел, что пещеру окружают множество ангелов с серебряными крыльями и в белоснежных одеждах. Все они держат в руках арфы и громко поют, славословя родившегося в эту ночь Спасителя мира, Который освободит людей от греха и смерти.

Тогда понял пастух, почему все животные и предметы в эту ночь были так добры и милосердны, что не хотели никому причинить вреда.

Ангелы были всюду; они окружали Младенца, сидели на горе, парили под небесами. Всюду было ликование и веселье, пение и музыка; темная ночь сверкала теперь множеством небесных

огней, светилась ярким светом, исходившим от ослепительных одежд ангелов. И все это увидел и слышал пастух в ту чудесную ночь, и так был рад, что открылись глаза и уши его, что упал на колени и поблагодарил Бога».

Тут бабушка вздохнула и сказала:

— То, что увидел тогда пастух, могли бы и мы увидеть, потому что ангелы каждую Рождественскую ночь летают над землею и славословят Спасителя, но если бы мы были достойны этого.

И бабушка положила свою руку мне на голову и сказала:

— Заметь себе, что это все такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты меня. Ни свечи, ни лампы, ни солнце, ни луна не помогут человеку: только чистое сердце открывает очи, которыми может человек наслаждаться лицезрением красоты небесной.

Видение императора

Это случилось в то время, когда в Риме был императором Август, а в Иудее правил Ирод.

Глубокая, таинственная ночь спустилась на землю, такая темная, черная, какой еще никогда не видели люди. Можно было подумать, что весь земной шар погребен под сводами глубокого погребца или окутан густой черной пеленой. Невозможно было на самом близком расстоянии отличить Землю от воды, легко было заблудиться на самой знакомой дороге. Ни один луч света не падал с небес, ни одна звезда не зажглась в эту ночь на мрачном, таинственном небосклоне, а месяц отвернул свой ясный лик от Земли.

Эта ночь была полна какой-то великой, чудесной тайны.

Таковыми же глубокими, как тьма, были тишина и молчание на всей земле. Ни один звук не хотел нарушить торжественного, глубокого

молчания этой ночи. Реки затаили в глубине свое течение, не было слышно ни плеска волн, ни шелеста листьев, замерли ветры, и даже листья осины перестали трепетать.

Если бы кто-нибудь взглянул в эту ночь на море, то увидел, что волны морские не ударились о прибрежные скалы, остановили свое вечное движение, а в пустыне песок не хрустел под ногами путника. Вся природа замерла, чтобы не нарушать торжественного покоя святой ночи. Даже трава не осмеливалась расти в эту ночь, роса не сверкала алмазными каплями, а цветы не дерзали испускать благоуханий.

В эту ночь хищные звери не нападали, ядовитые змеи не жалили, собаки не лаяли. Еще удивительнее и прекраснее было то, что даже неодушевленные предметы не хотели нарушать святости чудесной ночи, отказывались помогать в недобром деле. Ни одна отмычка не помогла бы вору открыть замок, ни один кинжал не пролил бы кровь.

Как раз в эту ночь в Риме несколько человек в темных плащах вышли из дворца императора и направились через город к священному Капитолию. Нынче днем сенаторы и другие знатные римляне объявили императору о своем намерении воздвигнуть в честь Августа храм на священном холме Рима. Но Август еще не дал